
18+
Назаров Даниэль
Её сердце — лёд
Исповедь влюблённого комика

Даниэль Назаров

Её сердце — лёд. Исповедь влюблённого комика

https://litres.ru/74758013
ISBN 9785007154673

Аннотация

На сцене стендап-клуба — не просто комик. На сцене — сама жизнь. Шутки кончались, а любовь ещё и не начиналась. Ведь любовь — это не шутка. Кого выбрать: себя, ослепительную красотку — или невзрачную девушку-катастрофу? Кого он выберет? Скоро узнаешь открывай первую страницу!

Содержание

Глава первая. Одна галочка 5
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Её сердце — лёд
Исповедь влюблённого комика

Даниэль Алишерович Назаров

© Даниэль Алишерович Назаров, 2026

ISBN 978-5-0071-5467-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Одна галочка

Сообщение улетело. И экран будто стал холоднее.

Одна галочка.

Не две. Одна. Даже не прочитано.

Я знаю эту разницу лучше, чем собственный пульс. Две — прочитала. Одна — не открывала. Даже не прикоснулась. Сообщение висит в её телефоне, как письмо в чужом почтовом ящике, до которого никто не дотянулся.

Она не то чтобы не ответила. Она даже не посмотрела.

Я ждал. Считал секунды. Одна. Две. Пять. Двадцать. Экран не менялся.

Тогда я открыл её профиль. Не из любопытства. Из надежды. Мне казалось, что там, в этом маленьком квадратике, всё ещё живёт версия её, которая помнит мой голос.

Аватарка была новой.

Она улыбалась. По-настоящему, широко — так, как я, ка-

жется, ни разу не видел. А рядом стоял другой. Спокойный. Уверенный. Такой, каким я никогда не умел быть в те моменты, когда это было по-настоящему нужно.

Я смотрел на её улыбку. И на одну галочку под своим сообщением.

Она была онлайн. Она сменила аватарку — значит, заходила, значит, время было. Она поставила туда другого — значит, думала об этом. У неё было время на всё.

Кроме одного.

Открыть моё сообщение.

Телефон выскользнул из пальцев и стукнул о стол.

И тут я понял одну вещь. Простую и очень неприятную.

Дело не в том, что она выбрала кого-то другого. Дело в том, что я сам столько лет превращал свою уязвимость в шутку, что перестал быть настоящим. Я смеялся в самых неподходящих местах. Острил, когда надо было молчать. Отшучивался, когда надо было сказать три слова без панчлайна.

Я смотрел на эту аватарку секунд десять. А потом в голове

щёлкнуло — само, как всегда:

«Дело не в том, что она выбрала другого. Дело в том, что я сам себя вышутил».

Хороший заход. Из этого выйдет бит. Надо записать.

Я потянулся за телефоном. И только через секунду понял, что сделал.

Я только что превратил в материал единственную настоящую мысль, которая у меня была за год. Автоматически. Не заметив.

Ладно. Об этом подумаю потом.

За кулисами пахло пылью и чужим дезодорантом.

— Ты через две минуты, — сказал конферансье, не поднимая глаз от телефона.

— Знаю.

Я всегда знаю. Это ремесло. Двадцать минут назад я придумал новый бит — прямо на ходу, от метро до клуба, — про то, как современные люди читают сообщения. Про галочки.

Про то, что самое страшное в переписке — не «нет», а вот эта одна серая галочка. Ты даже не думаешь — ты знаешь, где зал засмеётся.

Я вышел на свет. Взял микрофон — тёплый от чужой ладони. Двести человек, половина пьяна в правильной степени: достаточно, чтобы смеяться, но не настолько, чтобы перебивать.

У каждого есть такие друзья-экстремалы. Вот, например, мой такой друг: при неудачном приземлении с парашютом жаловался, что порвал ухо. Я говорю: радуйся, что не жопу. Ухо можно зашить — репутацию не зашьёшь. А мне экстрима и с девушками хватает: с одной скучно, с другой страшно.

— Знаете, что самое жестокое в переписке с такой девушкой? — начал я. — Не «я тебя больше не люблю». Это фигня, к этому можно подготовиться, как к эвакуации при пожаре. Самое жестокое — это одна галочка.

Пауза.

— Одна. Не две. Две — это прочитано. Две — это уже что-то. Хоть какая-то реакция. А одна — это когда она взяла телефон в руки, увидела твоё имя на экране и просто не стала открывать. Она даже не хочет тратить три секунды. Она

лучше сменит аватарку. Поставит туда другого. Но твоё сообщение так и останется висеть с одной галочкой. Как объявление на столбе, которое никто не срывает, потому что всем всё равно.

Смех. Короткий, понимающий. Кто-то в третьем ряду кивает.

— И вот сидишь ты такой. Смотришь в телефон. И думаешь: может, у неё руки заняты? Может, она у плиты? Может, она в душе, моет голову, а телефон в другой комнате? А может, моет голову не себе и не только голову…

Зал засмеялся. Аплодисменты.

Я улыбнулся в темноту — и на секунду мне показалось, что всё в порядке.

Внутри была тишина. Такая, какую слышишь только в детстве, когда проснёшься раньше всех и понимаешь: в доме больше никого.

Домой я шёл пешком. Двадцать минут через ночной город — время на подумать. Обычно в эти двадцать минут рождались биты. Сегодня не рождалось ничего. Только память, которая, как назло, включалась сама.

Торри казалась невозможно красивой с самой первой нашей встречи. Может, поэтому я её тогда и не выбрал — слишком ярко. Как на сварку смотреть. Рядом с ней стояла её подруга Рейна: синяки под глазами, бледная, почти пепельная кожа. На ослепительном фоне Торри она выглядела нарочито невзрачной. Но в этой музейной блёклости был свой шарм. Болезненный. Манящий.

Я выбрал Рейну.

Первые две недели мне казалось, что я выбрал правильно. Умная. Глубокая. Интересная.

Потом оказалось, что Рейна — Девушка-Катастрофа. Мир в её глазах был серым, унылым и не заслуживающим ни малейшего внимания, ни тем более попыток в нём задержаться. Любая мелкая неприятность мгновенно вырастала до масштабов личного апокалипсиса и становилась дополнительной уликой в деле «Существование бессмысленно».

Она драматизировала с таким упоением, что позавидовал бы любой театральный режиссёр. Хотя умирала на тот момент ровно ноль раз. Ноль.

Она ухитрялась отбивать всякое желание продолжать род

с человеком, который искренне мечтал, чтобы род пресёкся именно на нём. Шучу. У неё был брат, чтобы продлить фамилию. Кажется, единственный факт в её жизни, который не вызывал у неё тоску.

Терпение лопнуло аккурат в тот момент, когда она пожелала расстаться. Я не пытался её вернуть — хотя, положа руку на сердце, мне было дико любопытно узнать причину. Причину я так и не узнал. Она унесла её с собой. Не в могилу — в свой мрачный, загадочно манящий мир. Туда, куда меня не пригласили.

Больше мы не общались.

И я переключился на Торри.

Торри была устроена иначе.

После стерильного отчаяния Рейны её резкость казалась почти живительной — как пощёчина на морозе. Больно, зато просыпаешься. Она вроде бы проявляла симпатию, но держала дистанцию, будто мы стояли по разные стороны звуконепроницаемого стекла. Я видел её улыбку, слышал смех — но между нами всегда оставалась невидимая переборка.

Она могла на пустом месте бросить «не тупи». А в следу-

ющую минуту — сунуть мне в руку что-нибудь вкусное или подсунуть в карман таблетку аспирина, если у меня болела голова. Забота у неё получалась неуклюжей, почти агрессивной. Как у старого военного хирурга: режет без наркоза, но искренне желает тебя вылечить.

Сначала меня это цепляло. Я расшифровывал её сигналы, как идиотскую азбуку Морзе, где точки — это «отвали», а тире — «останься».

Она первая вызвалась отвлечь меня после Рейны. Мы гуляли полночи. Она рассказывала про любимые дорамы — сюжеты, имена, кто в кого влюбился на третьей серии, — и при этом крепко держала меня под локоть, чтобы я не споткнулся на тёмных дорогах её района. Района с вечно перекопанным асфальтом и фонарями, половина из которых не горела.

Она держала меня так, будто я хрупкий.

Меня. Человека, который на сцене в одиночку удерживает внимание двухсот пьяных людей. Меня держали под локоть, как первоклассника.

Я тогда ляпнул:

— Знаешь, ты похожа на айсберг. Снаружи — холодная, острая глыба. А внутри — загадка. Может, там, в глубине, замёрзли бутоны. И если растопить этот лёд, они распустятся.

Она остановилась. Посмотрела на меня своими светлыми глазами — такими холодными, что от них ломило зубы. Потом улыбнулась — коротко, одним уголком губ. Подмигнула.

— Даже не рассчитывай добраться до моего бутона.

И пошла дальше, будто ничего не сказала. А через пять шагов обернулась:

— А ты похож на Лунтика.

И рассмеялась.

Я не понял — обидеться или принять как комплимент. Вечером записал в телефон: «айсберг и не добраться до моего бутона — проверить на зале». Через неделю проверил. Зал смеялся. Запись я стёр.

После того вечера я стал замечать странное.

У Торри была привычка внезапно замолкать посреди фра-

зы и смотреть куда-то сквозь предметы — словно прислушиваясь к голосу, который слышала только она. Иногда она пропадала на несколько дней. Возвращалась с неизменным «привет, живой?» — как ни в чём не бывало. На вопросы отвечала коротко: «Не бери в голову».

Но что-то мне подсказывало: за этой бронёй — не просто осторожность. Там тлел подземный пожар. Может, такой же серый, как у Рейны. Только спрятанный глубже. Или что похуже.

Я не знал.

Но сдаваться не собирался. Если уж и вторая девушка решит меня отшить — я хотя бы хотел услышать причину. На этот раз вслух.

Потому что я боялся уже не того, что она скажет «нет».

Я боялся, что она скажет «да».

И тогда мне придётся нырять в ту тёмную воду, откуда возвращаются не все. А я, если честно, плавать никогда толком не умел.

А в её глазах — уже тонул.

И снова двадцать минут до выхода. За кулисами молодой комик повторяет свой сет, шевеля губами, как первоклассник перед стихотворением. Я его понимаю. Я сам таким был. Сейчас я просто стою и смотрю в стену.

Сегодня новый материал. Про женщину, которая отмерила мне пять минут. Как заключённому на свидание. Только я растянул эти пять минут на целый вечер.

Выхожу. Свет в глаза.

— У вас когда-нибудь такое было: думаешь, вот наконец тебя позвала к себе девушка, которая тебе нравится. Ты идёшь к ней во всём красивом, такой чистый, что даже за ушами помыто, с полными карманами презервативов — ведь думаешь, что идёшь к девушке. А когда приходишь, оказывается, что ты думал, что идёшь к девушке, а на самом деле пришёл к подруге. Она нехотя впускает тебя и говорит: «У тебя пять минут. И не думай, что это что-то значит». И вы сидите, неловко пьёте чай, и думаешь: к этому чаепитию у меня только клубничные презервативы, но они тут неуместны. Шучу. У меня ещё было печенье.

Смеются. Коротко, с пониманием. По глазам вижу — у половины зала была такая девушка. Или такой парень. Неваж-

но.

— И вот что я понял. — Наклоняюсь к микрофону. — Самое дорогое в жизни — это не любовь. Это когда кто-то смотрит на часы и говорит: «Ладно, оставайся. Но я не обещаю, что это что-то значит». Вот это — настоящая валюта. Пять минут чужого внимания. Дороже биткоина. И, в отличие от биткоина, обесценивается моментально.

Зал аплодирует. Я ухожу за кулисы, вытираю ладони о джинсы и думаю: хорошо, что они не спросили, чем это закончилось. Потому что закончилось ничем.

Самое смешное было в том, что я ведь клялся. Не раз, не два. Клялся себе торжественно, как в суде: больше никогда. Никаких девушек с отдельным, тщательно пронумерованным списком претензий к мирозданию. Никаких катастроф в человеческом обличье.

И вот я здесь. С печеньем.

Три года стендапа научили меня одному: если ситуация невыносима — сфотографируй её в голове и придумай панчлайн. Я автоматически сделал это сейчас. «Мужчина, который клялся не связываться с проблемными женщинами, но стоит под дверью с печеньем. Это не любовь, это когни-

тивный диссонанс с доставкой». Зал бы посмеялся. Мне было не смешно.

Ветер трепал куртку, забирался за воротник, и я вдруг ощутил себя до абсурда нелепым. Сжимаю этот пакет, будто он — мой щит и моё знамя одновременно. В голове крутились заготовленные фразы, одна глупее другой.

«Привет, как дела?»
«Тут неподалёку купил…»
«Просто проходил мимо».

Ни одна не звучала настоящей. А мне нужна была именно настоящая. Пусть даже после неё она снова скажет что-то резкое и захлопнет дверь. Лишь бы не фальшивая. Хотя в моём ремесле фальшивка — это хлеб. Скажи залу то, что хочет услышать, и все довольны. Но с ней этот номер не проходил никогда.

Я нажал кнопку. Секунды тянулись, как резина.

Дверь открылась.

Вид у неё был такой, будто она уже приготовила что-нибудь привычное, колючее, из давно заведённого арсенала: «Чего надо?», «Не до тебя сейчас», «Ты вообще как здесь

оказался?». Брови сошлись в одну линию. Пальцы вцепились в край двери так, будто она держалась не за дверь, а за что-то внутри себя — не чтобы не впустить меня, а чтобы не дать себе выбежать наружу.

А потом её взгляд упал на пакет.

И на долю секунды в глазах мелькнуло что-то вроде удивления. Такое быстрое, что моргни я — пропустил бы.

— Ты что, серьёзно? — пробурчала она.

Но в голосе уже не было привычной стали. Скорее усталость. Пополам с недоверием. А может, с попыткой не показать, что ей на самом деле приятно.

— Абсолютно, — я пожал плечами, стараясь выглядеть увереннее, чем себя чувствовал. — Печенье — это дипломатия. Если не сработает, у меня есть план Б: молчать и выглядеть искренне.

Она фыркнула. Коротко, резко — но уголки губ всё-таки дрогнули, будто сами не хотели оставаться прямыми.

Дверь приоткрылась чуть шире. Не нараспашку. Не как приглашение войти и остаться. Но достаточно, чтобы я по-

нял: лёд не просто треснул — он дал первую, робкую трещину.

Я шагнул внутрь, стараясь не разглядывать её слишком пристально, чтобы не спугнуть. В комнате пахло чаем и чем-то тёплым, почти домашним, — и это показалось странным контрастом с её обычной колючестью. У такой женщины в квартире должно было бы пахнуть порохом. Или хотя бы пылью.

Она прошла вперёд и поставила чайник — так буднично, словно я заходил сюда сотни раз. Только потом, уже спиной ко мне, бросила негромко:

— Не думай, что это что-то значит. Просто день был тяжёлый.

Я не стал спорить. Вместо этого сел за стол и разложил печенье на тарелку — аккуратно, будто от того, как ровно лягут эти чёртовы квадратики, и правда зависело что-то важное.

— Я не думаю, — сказал я спокойно. — Просто хотел, чтобы день стал хоть чуточку легче. Даже если всего на пять минут.

Она замерла.

Всего на секунду — но в этой секунде уместилось что-то очень хрупкое. Потом кивнула. Так коротко, что можно было и не заметить.

Она повернулась, поставила чашку передо мной — и вдруг посмотрела прямо в глаза. Впервые за всё время не скользящим, а прямым, почти невыносимо прямым взглядом холодных голубых глаз.

— Знаешь, почему день был тяжёлый?

Я молчал.

— Потому что я три часа сидела и смотрела на телефон. Ждала, что кто-то напишет. Не конкретно ты, — тут она чуть скривилась, будто признание давалось ей с боем, — просто… хоть кто-то. А телефон молчал. И тогда я подумала: может, так и должно быть. Может, мне вообще не положено, чтобы кто-то приходил. С печеньем или без.

Она замолчала. Я тоже молчал — не потому что нечего было сказать, а потому что любые слова сейчас прозвучали бы слишком громко. Вместо этого я подвинул к ней тарелку. Ближе. Почти вплотную к её руке.

— А он зазвонил? — спросил я наконец. — Телефон. Когда я пришёл.

Она усмехнулась — криво, но уже без прежней горечи.

— Нет. Но ты пришёл без звонка. Это, наверное, даже лучше. Просто я подумала, — сказала она тише, — что, может, я вообще никому не нужна. Понимаешь? Никому.

Я не знал тогда, что этим вечером всё только начнётся. И что через полгода буду сидеть в этой же кухне, только уже один, и вспоминать этот пакет печенья, как вспоминают последний билет на поезд, который ушёл без тебя.

А в тот вечер у неё на кухне и правда казалось, что всё хорошо. Уютно. Идиллия.

Она налила кипяток — слишком резко. Вода плеснулась на блюдце, и она нахмурилась, будто это была не случайность, а личное оскорбление.

— И не смотри на меня так, — буркнула она, не поднимая глаз, и принялась вытирать капли салфеткой. — Будто ты сейчас разгадаешь все мои тайны по одному взгляду. Не надо. Никаких разгадок, ладно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.